

УТВЕРЖДАЮ:
Проректор по научной работе
и инновационной деятельности
ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный
педагогический университет»,
доктор социологических наук
Матвеева Н. А.
«12» ноября 2019 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Кнорре Елены Юрьевны

**«Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина
1900-1930-х гг.», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности**

10.01.01 – Русская литература

Диссертация Е.Ю. Кнорре посвящена одному из сквозных сюжетов великой русской литературы – поиску Невидимого града – в контексте философско-мировоззренческих и художественных поисков Михаила Михайловича Пришвина первой трети XX века. Актуальность выбранной темы исследования не вызывает сомнений, т.к. в литературоведении последних десятилетий резко обострился научный интерес к эсхатологической и хилиастической проблематике и образности русской литературы. Это связано как с особенностями очередного «витка» развития русской истории (потребностями в определении истинной государственности и национальной самоидентичности), в какой-то степени повторяющего поиски начала прошлого столетия, так и с вопросом о генезисе и конвергентных связях эпохи Серебряного века с последующими этапами развития русской литературы в целом.

В этом ключе диссертационное исследование Е.Ю. Кнорре, несомненно, заслуживает внимания. В контексте близких по проблематике научных работ В.В. Агеносова, Н.П. Дворцовой, А.М. Подоксенова, Н.В.

Борисовой, З.Я. Холодовой о философско-мировоззренческих поисках М.М. Пришвина **новизна** представленной работы состоит прежде всего в диалектическом рассмотрении сюжета «пути в Невидимый град», входящем в более крупный – «китежский» текст русской литературы. В связи с этим художественные и нравственные поиски Пришвина предстают в новом ключе – в пространстве «потаенной литературы» и «потаенной философии» христианского персонализма и русского космизма, в диалоге с новой, подчас совершенно чужой и далекой от указанных идей эпохой строительства социализма.

Эмпирическая база работы совпадает с объектом исследования и представлена не только источниками, которые уже не раз становились объектом интереса в пришвиноведении – романами «Кашеева цепь», «Журавлиная родина, повестью «Жень-шень», но и текстами, недавно введенными в научный дискурс – это публицистические и военные статьи Пришвина (собранные в книге «Цвет и крест» 2004 года издания), а также его обширное дневниковое наследие, эпистолярные и публицистические диалоги с А. Блоком, А. Горским, Н. Федоровым, А. Ухтомским и др.

Основательная методологическая база исследования, опирающаяся на работы философского, историософского и культурологического характера, литературоведческие штудии о М. Пришвине, С. Есенине, Н. Клюеве, А. Платонове, обширная апробация работы, достойное количество публикаций диссертанта по тематике исследования (37 публикаций, из них 6 статей в журналах ВАК) – все это обеспечивает высокую достоверность **результатов исследования**, базирующегося на междисциплинарном, комплексном подходе к заявленной проблеме.

Положения, выносимые на защиту, адекватно отражают суть проведенного исследования и находят непосредственное подтверждение в работе. Реконструкция «китежского» текста русской литературы в творчестве М.М. Пришвина произведена от истоков и практически до конца творчества писателя; представлен анализ мотивов и образов данного текста с

привлечением релевантных контекстов; в синтезе рассмотрено взаимодействие разных жанровых структур – эпического, публицистического, дневникового текстов; выявлено содержательное наполнение культурных кодов литературы (вагнеровский текст; китежский текст и миф и др.). Всё это определяет **теоретическую значимость диссертации.**

В первой главе работы автором реконструируются религиозно-философские и литературные источники образа Невидимого града, определяющие раннее и последующее творчество М.М. Пришвина. Автор диссертации доказательно и развернуто демонстрирует истоки зарождения «китежского» мифа из философии Платона, идей Иммануила Канта, затем рассматривает их индивидуальное воплощение в трудах С. Дурылина (наиболее близкого по идеям Пришвину), А. Мейера, в софиологии В. Соловьева, поисках Н. Бердяева, В. Розанова, в практике западных и русских символистов. Перспективным и получившим дальнейшее развитие в работе является исследование вагнеровского текста как дихотомического – пути Зигфрида (завеса собственного «я») и пути Парсифаля (пути к Другому).

Следуя хронологическому принципу выстраивания работы, Е.Ю. Кнорре детально рассматривает очерки Пришвина 1905-1908 годов, подчеркивая, что страннические сюжеты писателя имеют под собой как биографическую, так и идейно-эстетическую почву. С одной стороны, они связаны с детской мечтой мальчика Курымушки убежать в новую землю (в Америку), с другой – с идеей поиска мечты, «синей птицы», несбывшегося. «В краю непуганых птиц» (1909), «У стен града невидимого» становятся воплощением этой мечты, осколком «китежского» текста русской литературы. Однако подчеркнем, что для начинающего писателя эти очерки имели не только и не столько идейно-философское значение, сколько были поиском своего (как потом скажет Пришвин, «тележно-этнографического») пути в литературу. Не случайно подзаголовок книги 1909 года – «Очерки Выговского края». Эта географическая конкретность, фактографичность

материала будут выделять Пришвина из круга писателей-мыслителей начала века. Эта пришвинская «особость» иногда не учитывается.

Новым исследовательским материалом, несомненно, является в диссертации выстраивание творческого диалога Пришвина с Дурьлиным, изучение пришвинских статей «Астраль», «Земля Нового Израиля» (1914).

Вторая глава работы посвящена традиционному для пришвиноведения аспекту – идее Всеединства в творчестве М. Пришвина. Однако автору работы на материале произведений периода Первой мировой войны удастся дополнить тему некоторыми новыми деталями и поворотами. Органичными в контексте поставленной проблемы выглядят рассуждения о мире как особой духовной общности людей, противостоящей войне. В контексте автомифологии писателя интересны рассуждения о германской «ноте» этой поры. Содержательными представляются в главе выстраивание оппозиций «град Божий / град кесарев», связанные в историософии Пришвина с «сердечным» (С. Семенова) путем развития человека и механистически-рациональным соответственно. Кроме того, второй путь – путь кесаря – это и путь петровских реформ, по которому движется ведущая войну Россия, теряя собственную самобытность. На материале очерков военного времени Пришвина диссертант рельефно выстраивает сквозные образы всего писательского творчества – образ цветка мира, «цветка Церкви», Беловодья, орнитологические образы, художественные детали театра военных действий. Мифопоэтическая и календарная образность Страстной седмицы рассматриваются на материале очерков «Слепая Голгофа», «Августовские леса», «Косач». Диссертант убедительно доказывает, что основными доминантами, которые передают состояние человека в это время, становятся для Пришвина образы леса, болота, пустыни как некоей «завесы бытия». Этот лабиринт блужданий души человеческой, предполагаем, является интертекстуальной отсылкой и ко второму тому лирики А. Блока. Однако Е.Ю. Кнорре почему-то избегает этого поворота темы, как будто «боясь» развернуть исследованные, но вполне дополняемые смыслы этого аспекта.

Третья глава работы подробным образом рассматривает дневниковые и публицистические работы писателя послереволюционной поры. «Скифская» проблематика развернута на материале текстов Н. Клюева, С. Есенина, А. Белого, А. Блока. И если первый ряд писателей – неокрестьянского толка с их с идеей «мужицкого рая» – для Пришвина тут вполне органичен и подробно описан, то о символистах начала 1920-х гг. говорится поверхностно. Нужно заметить, что и в религиозно-философских поисках начала века, и в «попутнической» позиции 1920-х гг. пришвинская стратегия схожа: это позиция периферийная – сознательно латентная. В этом видится некая осознанность, очевидно, Пришвин завоевывал собственное уникальное место в новой формирующейся литературе – «место Пана», дающее ему возможность побега из социума и сохранения определенной доли внутренней свободы. В связи с этим указанные диссертантом возможные поведенческие роли писателя – пушкинского «Евгения», разбойника, блудного сына, блудного сына как раскаявшегося разбойника – это не только архетипические литературные сюжеты, но и сюжеты «текста жизни» живого писателя. Этот «хаос», «чан» его собственной души сублимирован в героя «Мирской чаши» Алпатове – правда, художественный текст почему-то не становится предметом анализа.

Интересным является, на наш взгляд, рассмотрение блоковского интертекста – образа шествия со знаменем в руках. Диссертантка подробно и развернуто рассуждает о полемике Пришвина и Блока. Скандальный разрыв Пришвина с Блоком (статья «Большевик из Балаганчика»), носил, по нашему убеждению, акт волевого отторжения от блоковского авторитета и подтверждения для себя нового пути. На этом фоне образ Голубого знамени у Пришвина – это не просто антитеза кровавому флагу Христа в поэме Блока, это заявление совсем другого пути – не через жертву и искупление, а через отказ это совершить. Важно, что это «размежевание» произошло не только идейно, но и эстетически: ранее Блок высказывался о текстах Пришвина не как о литературе, а как о «сыром материале, требующем скорее изучения, чем

чтения». И к 1920-м гг. Пришвин этот недостаток, указанный Блоком, делает своим кредо в литературе.

Глава четвертая работы представляется наиболее схематичной. Религиозно-философские искания А. Ухтомского, А. Горского («взыскующих града») доходили до Пришвина в отрывочном виде и были малодоступны в советское время. Живое общение с А. Горским в Сергиевом Посаде – факт, несомненно, заслуживающий подробного рассмотрения, что и сделано диссертантом. Однако не всегда точно, по нашему мнению, прорисованы контексты. Так, рассказ советского периода «Этажи леса» восходит, скорее, к философии иерархизма Н. Лосского, нежели к идеям русского космизма, а советская лексика («пионер леса», «коммуна», «коммунист») не всегда является продолжением поисков Невидимого града (с. 226). Рассмотренный в диалоге с Горским автометаописательный текст «Мой очерк», как утверждает автор работы, выписывает основные принципы обработки материала, приоткрывает тайны пришвинской творческой лаборатории – с чем нельзя не согласиться. Однако по вектору своему – это новый, *советский* очерк, сам принцип «оволения» материалом, провозглашенный в этом тексте Пришвиным, понимать нужно широко: это «оволение» происходит и с материалом новой, уже всецело советской, действительности. Прямолинейно, на наш взгляд, трактуется и семантика поведения Алпатова-инженера в романе «Журавлиная родина». Отказ от реального действия – осушения болота во имя «золотой луговины» – нельзя воспринимать как антисоветское, скорее, Пришвин начинает уже новый виток строительства нового времени – разумное оволение «неразумным» веком. То, что позже в романе «Осударева дорога» (который на наш взгляд, принципиален для разговора о Граде невидимом) обозначится уже в эпиграфе как всеприсутствие Бога. К сожалению, отсутствие развернутого вглубь текстового анализа заявленного сюжета, снятие только его идейно-тематического, «верхнего», пласта часто приводит к неточностям.

Материал главы представляется пестрым и разным по качеству. Привлекает, в частности, заявка на сопоставление образов китайцев в «Жень-шени» Пришвина и у Всеволода Иванова (с. 240), но не органичной для уже сложившейся в это время писательской системы Пришвина выглядит обращение к Новалису, к его образу Голубого цветка (с. 245). Несомненно, вегетативный код заявлен уже в названии повести, но он построен не по теллургическому, а по хтоническому принципу: жень-шень – это подземное растение, по форме своей напоминающее фигурку человека. Диссертант столь настойчиво ведет нить сюжета о Невидимом граде, что подчас «забывает» о том, например, что в «Жень-шени» развернута тема и чувственной любви к женщине, и пантеистические идеи, и связь с землей как первородным Эросом – всё это разворачивает повесть в другом направлении. Наконец, последний параграф работы выходит за рамки заявленного хронологического отрезка. Более того, о завершении сюжета «пути в Невидимый град» в 1940-е гг. не может идти речи, т.к. Пришвину предстоит еще долгая, многолетняя борьба за «Осудареву дорогу» и «Корабельную чашу», в которых намеченные диссертанткой мифологемы сюжета – и образ бедного Евгения, и образ Падуна (водопада), и образ непроходимого леса-лабиринта – приобретут новое звучание.

Разумеется, сделанные замечания носят дискуссионный характер и не снижают общего высокого научного уровня работы. В конечном итоге, требуют прояснения два момента:

– контекстуально не до конца выстроен «северный текст» Пришвина – это выходит за рамки обозначенной хронологии, но необходимо уточнить: как второе путешествие в эти же земли, на строительство Беломоро-Балтийского канала с его практическим воплощением идеи «перековки» человека, будет корректировать сюжет о «пути в Невидимый град» и «китежский» текст в целом?

– открытым для нас остался вопрос и о том, почему Пришвин, только недавно разорвавший с марксизмом, сближается с религиозно-философским

обществом Мережковского и так ли уж сближается? Ведь в автобиографическом романе «Кашеева цепь», в дневниковых записях этих лет он несколько раз подчеркивает, что ему далеки эти люди – «салонного», эстетизирующего типа. Он пишет в романе: «тема от Маркса – к Христу, от Христа – непременно к попу», т.е. требует практического решения вопроса о «рае на земле».

Материалы диссертации Е.Ю. Кнорре прошли достойную **апробацию** на международных и всероссийских конференциях и имеют **практическую значимость**. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании специальных филологических дисциплин (истории русской литературы первой трети XX века, методологии литературоведения, региональной литературы), а также в широком спектре – при обсуждении вопросов персональной автомифологизации, религиозно-философского и мифопоэтического контекстов русской литературы начала XX века, проблем сквозных сюжетов русской литературы и топосного сверхтекста.

Автореферат диссертации адекватно и в полном объеме отражает ее содержание, которая и методологически, и с точки зрения оформления полностью отвечает требованиям, предъявляемым к работам филологического профиля.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900-1930-х гг.» представляет собой законченную научно-квалификационную работу, в которой решена научная задача исследования генезиса, семантики религиозно-философского и мифопоэтического контекста образности Пришвина, его метасюжета о «пути в Невидимый град», что имеет значение для современной литературоведческой науки в области истории русской литературы XX века, ее философских и культурологических смыслов, феноменологии и герменевтики.

Диссертация соответствует требованиям, изложенным в п. 9-11 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Кнорре Елена Юрьевна, **заслуживает присуждения искомой ученой**

**степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 –
Русская литература.**

Отзыв подготовлен доктором филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, доцентом, заведующим кафедрой литературы Худенко Еленой Анатольевной.

Отзыв о диссертации Е.Ю. Кнорре «Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900-1930-х гг.» заслушан, обсужден и утвержден на заседании кафедры литературы филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет» 08 ноября 2019 года, протокол № 3.

08.11.2019 г.

Доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой литературы
Алтайского государственного
педагогического университета

Худенко Елена Анатольевна

Контактные данные:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, тел. (8-3852) 205-313, email: fil-lit@altspu.ru, <http://www.altspu.ru>

ЗАВЕРЯЮ

Ведущий специалист по кадрам отдела работы
с кадрами и составом Управления кадров

А. Гайчирова

Дата заверения

